

DOI: 10.31696/S086919080036499-5

ОПОРА НА ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ РЕЖИМА ТАЛИБОВ¹

© 2025

И.А. ГУЖЕВ ^а

^а – ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8302-028X; guzhev.ilya1999@mail.ru

Резюме: В работе исследуется роль идентичности как фактора устойчивости режима талибов после его возвращения к власти в Афганистане в августе 2021 г. Статья анализирует фрагментированный характер афганского общества, значение коллективной памяти, а также фактор этничности в формировании представлений о нации в Афганистане. Автор приходит к выводу, что синтез религиозного (исламского) компонента и местных традиций, выраженных, например, через адат, лежит в основе представлений афганцев о себе как о единой социокультурной общности. Движение «Талибан» (ДТ) представлено наиболее близкой к рядовым афганцам политической силой с этой точки зрения. Исторический контекст внешних вторжений и внутренних конфликтов выступает как фон, на котором начинает зарождаться национальное самосознание афганцев. Сложившийся вследствие этих процессов, а также исламского постулата о необходимости защиты веры, консолидирующий нарратив об Афганистане как о «кладбище империй» успешно используется ДТ в социально-политической практике. Во многом происходившая параллельно борьбе афганского народа за обеспечение своей независимости целенаправленная переселенческая политика Кабула в отношении пуштунского этноса привела к формированию среди них мощной эмоциональной привязки к определенным территориям, что является одним из признаков наличия национальной самоидентификации. Также в работе признается нерешенность проблемы политического представительства не-пуштунских этносов и исходящая из нее социальная напряженность. Однако, несмотря на внешние предписания правительству талибов о необходимости соблюдения в этом аспекте принципа «инклюзивности», автор статьи приходит к выводу, что традиционная для Афганистана модель «гегемонистского доминирования» остается более успешной с точки зрения государственного строительства и формирования политической идентичности. Как пример, в статье приводятся управленческие стратегии ДТ, соответствующие представлениям афганцев о правильном общественном устройстве. Таким образом, исследование подчеркивает значимость культурного и исторического наследия для политической консолидации афганского общества.

Ключевые слова: Афганистан, афганцы, идентичность, движение «Талибан», ислам, пуштуны

Для цитирования: Гужев И.А. Опора на идентичность как фактор устойчивости режима талибов. Восток (Oriens). 2025. № 6. С. 96–107. DOI: 10.31696/S086919080036499-5

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

RELIANCE ON IDENTITY AS A FACTOR OF THE TALIBAN REGIME'S STABILITY²

© 2025

Ilya A. GUZHEV ^a

^a – Primakov Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8302-028X; guzhev.ilya1999@mail.ru

Abstract: *The work explores the role of identity as a factor in the resilience of the Taliban regime. The article analyzes the fragmented nature of Afghan society, the significance of collective memory, and the role of ethnicity in shaping notions of nationhood in Afghanistan. The author concludes that the synthesis of the Islamic component and local traditions, expressed, for example, through adat, underlies the Afghans' self-perception as a unified sociocultural community. The Taliban is presented as the political force closest to ordinary Afghans from this perspective. The historical context of external invasions and internal conflicts serves as a backdrop against which Afghan national consciousness begins to emerge. The narrative that has developed because of these processes, along with the Islamic tenet of the necessity to protect the faith, consolidates Afghanistan's image as a "graveyard of empires", which the Taliban successfully employs in its socio-political practice. Kabul's resettlement policy toward the Pashtun ethnicity has led to a strong emotional attachment among them to certain territories, indicating the presence of national self-identification. The work also acknowledges unresolved issue of political representation for non-Pashtun ethnic groups and the resulting social tensions. Despite external prescriptions for the Taliban government to adhere to the principle of "inclusivity" in this regard, the author concludes that the traditional Afghan model of "hegemonic dominance" remains more successful in terms of state-building and political identity formation. The article alludes to the management strategies of Talibs that align with Afghan perceptions of a proper social order as an example.*

Keywords: Afghanistan, Afghans, identity, "Taliban", Islam, Pashtuns

For citation: Guzhev I.A. Reliance on Identity as a Factor of the Taliban Regime's Stability. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 6. Pp. 96–107. DOI: 10.31696/S086919080036499-5

ВВЕДЕНИЕ

Движение «Талибан» (ДТ), являющееся по своему этническому составу преимущественно пуштунским, пришло к власти в Афганистане в августе 2021 г. С тех пор афганское правительство, в отсутствие международного дипломатического признания, показало относительную устойчивость перед лицом внутренних центробежных тенденций. Несмотря на бедственное социально-экономическое положение страны, большинство простых афганцев вполне уживаются с новыми порядками. Это можно объяснить в том числе тем, что талибы в своей политической практике и риторике исходят из наиболее общих ориентиров идентичности населения Афганистана.

Вместе с тем тяга к распаду по этноплеменному принципу для любых властных структур в Афганистане считается социально-политической обыденностью. Отечественный

²This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

исследователь В.Н. Пластун, отмечая подверженность афганского общества различным разделениям, пишет, что сильнейшее чувство принадлежности привязывает афганца к своему роду, затем (в более слабой степени) к большему социальному образованию (например, клану, племени или племенному союзу), на последнем месте находится чувство принадлежности к национальному обществу [Пластун, 2016, с. 30].

В этом аспекте уместно привести положение относительно роли коллективной памяти афганцев, которая «предопределяет совокупность представлений о политическом устройстве страны» [Лалетин, 2009]. Для жителей Афганистана коллективная память также является источником тех ориентиров их идентичности, приверженность которым стабилизирует положение современного талибского режима, оберегая в возможной на то мере афганское общество от распада. Формирование этих ориентиров связано с борьбой афганцев за обеспечение независимости своего государства, начиная с XIX в. и до наших дней, представлением о ведущей роли пуштунского этноса в этих процессах, а также исторически обусловленной ролью ислама в консолидации афганского общества.

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ

Основоположниками изучения вопросов идентичности являются Э. Геллнер, Б. Андерсон, Э. Тэджфел [Gellner, 1983, Anderson, 1983, Tajfel, 1978]. Однако опираться только на положения их теорий при изучении афганской идентичности представляется недостаточным, так как они не учитывают особый афганский и, в целом, региональный культурный и исторический контекст. Национальная идентичность, согласно Геллнеру, является продуктом модернизации, которая в Афганистане так и не была полноценно проведена. Теория воображаемых сообществ Б. Андерсона, связывающая национальную идентичность с развитием «печатного капитализма», также слабо применима к Афганистану, где низкий уровень грамотности населения и отсутствие единого информационного пространства так и не позволили сложиться устойчивому национальному нарративу. Не отрицая важности фактора межгрупповых различий (противопоставления «своих» и «чужих», о котором говорит Тэджфел) в складывании идентичности, отметим, что для её анализа в Афганистане требуется учитывать также влияние племенных, религиозных и клиентельных связей. Таким образом, для исследования необходимы дополнительные теоретические вводные.

Афганистан представляет собой пример традиционного общества, в котором социальные и политические структуры формируются на основе устойчивых норм, коллективистских ценностей и патриархальных институтов. Согласно утверждению ведущего отечественного специалиста в области идентитарных исследований И.С. Семененко, «политические идентичности в традиционных обществах могут замещаться племенными, клановыми и другими примордиальными формами групповой квазиполитической самоидентификации» [Семененко, 2017, с. 352].

Академик В.В. Наумкин в отношении Афганистана обоснованно применяет концепт «глубоко разделённого общества» [Наумкин, 2015, с. 68]. Помимо наличия этнических, конфессиональных и иных социальных размежеваний, ситуация в этой стране характеризуется «высокой степенью антагонизма между разделёнными частями». Исследователь также доказывает, что фактор вооруженного внешнего вмешательства со стороны глобальных держав во главе с США в дела государств Ближнего и Среднего Востока (среди которых Афганистан – ярчайший пример) спровоцировал в них взрыв межобщинного насилия.

Военная интервенция в Афганистане в первой четверти XXI века, как и в 1980-е гг., сопровождалась масштабным социальным экспериментом, в ходе которого была предпринята попытка радикально модернизировать социальную структуру страны. Идея формирования

единой национальной общности в рамках модернизационного нарратива о «прогрессивном и демократическом государстве» получила поддержку среди городской пуштунской элиты [Князев, 2024, с. 213]. Вместе с тем для сельского населения, составляющего большинство в Афганистане и находящегося под влиянием партикулярных лояльностей, эта концепция оставалась неясной и далекой, что систематически подрывало устойчивость центрального правительства в Кабуле.

В отечественной и западной науке появление, развитие и политический успех ДТ в Афганистане зачастую рассматриваются как регионально-страновое проявление более широкого явления – «таджидида» или исламского возрождения. В ходе него «огромное количество мусульман обращаются к исламу как к источнику идентичности, смысла, законности...надежды...» [Huntington, 1996, с. 109; Сикоев, 2004, с. 11–12]. Концепция «таджидида», имеющая исконно исламское происхождение, укладывается в более широкую теорию «столкновения цивилизаций», в рамках которой «исламский мир» в числе других цивилизаций бросает вызов мировой гегемонии Запада.

Сотрудничество талибов с исламскими террористическими организациями, прежде всего, с Аль-Каидой³, на первый взгляд представляется хорошей иллюстрацией этому. Однако убедительно доказанные «несоответствие целей и идеологии, этнической, культурной и географической принадлежности этих двух структур, а также разные формы видения идентичности мусульман с учетом национально-племенного фактора» [Мачитидзе, 2022, с. 51] обосновывают необходимость дальнейшего изучения влияния религии на формирование политической идентичности в Афганистане. В отношении него уместными представляются положения, приведённые М.М. Мchedловой, о том, что «религиозная идентичность пересекается с этнической самоидентификацией» и в значительной мере «поддерживает политические притязания на создание национально-государственной общности» [Мchedлова, 2017, с. 335–336].

Профессор Колорадского колледжа Роберт Ли в своей работе «Религия и политика на Ближнем Востоке» выдвигает гипотезу, согласно которой ближневосточное государство может создавать институты, вызывающие высокий уровень лояльности среди граждан или подданных, если оно опирается на религиозную идентичность и отражает в своих нарративах ключевые события национальной истории [Lee, 2014, р. 12]. Представляется, что политика, проводимая режимом талибов, отвечает этим двум критериям. В этом контексте задача настоящей статьи – предметно проанализировать содержание составляющих афганской идентичности, исходя из которых режим талибов поддерживает общие ценностные основания принадлежности к сообществу «афганцев».

ИСЛАМ И АДАТ

Религия – один из немногих факторов, объединяющих почти всех жителей Афганистана. Число называющих себя мусульманами среди них близко к 100%. Большая часть причисляет себя к суннитскому направлению ислама, однако есть в стране и шиитские общины. Стоит упомянуть, что, по данным ООН, сельское население страны составляет более 71% [Afghanistan, 2019], что придает Афганистану, несомненно, деревенский социальный облик. Томас Джонсон, профессор Высшей Школы ВМС США, называет режим «Талибана» политически искаженной репрезентацией жизни пуштунской деревни [Johnson, 2017, р. 27]. В свою очередь, российский исследователь Н.Д. Саженов, доказывает, что простой подход талибов в 1990-х гг. по введению норм шариата в том виде, в котором они их понимали, вполне находил отклик у афганского населения, а также способствовал их политической

³ Запрещена в России.

мобилизации на фоне очередного витка гражданской войны [Саженов, 2025, с. 114]. Таким образом, большая часть афганцев по своему экономическому статусу, равно как и мировосприятию, социальному опыту и образу жизни, находится на одном уровне с рядовыми талибами, уроженцами бедной афганской деревни, воспитанными в духе народного ислама.

По словам отечественного востоковеда-афганиста А.Ю. Лаврова, в Афганистане в XX в. «практически все аспекты общественных отношений определялись нормами ислама, органично сочетаясь с национальными обычаями и традициями» [Лавров, 2010, с. 7]. Образование и судопроизводство оставались монополией низших слоев мусульманских служителей культа – мулл. Медресе, институт, который занимался их подготовкой, долгое время был единственным социальным лифтом, возможностью занять достойное место в бедной афганской деревне. Обретение прослойкой афганского духовенства, напрямую причастной к созданию ДТ, зачатков политической субъектности и осознание ими своей идентичности можно связать с ущемлением их экономических интересов в ходе реформ Амануллы-хана (1919–1929), которые подразумевали изъятие из собственности религиозных учреждений, полученных когда-то в дар земельных владений.

Признавая значимость влияния непосредственно исламских норм на регуляцию социально-политических процессов в Афганистане, отметим, что не менее важную роль в этом играл так называемый адат. Мусульманские богословы этим словом обозначают элемент обычного доисламского, зачастую неписаного права, применяемые как альтернатива шариату. Одним из наиболее ярких афганских «адатов» является «Пуштунвали»⁴, известный своей суровостью в сравнении с шариатом. В частности, он утверждает институт кровной мести («бадал»), которая не соответствует исламским понятиям о правосудии. Схожие с «Пуштунвали» по содержанию, но менее известные элементы повседневного права существуют и у других афганских этносов, определяя, по мнению А.А. Князева, «инвариант афганской ментальности» [Князев, 2024, с. 214].

Другой пример, свидетельствующий о том, что влияние религиозного фактора на общественные процессы в Афганистане имеет свои особенности, приводит американский антрополог А. Шмеддинг. Она отмечает, что некоторые причастные к созданию первого Эмирата 1996–2001 гг. талибы, несмотря на свою ориентацию на нормы исламского фундаментализма, продолжают практику обычаев, имеющих отношение к суфизму или «народному исламу»⁵, например, «зикра» без музыкального сопровождения [Schmedding, 2021]. Такая укорененность в народных религиозных практиках среди афганцев в 1980–1990 гг. зачастую вызывала неодобрение со стороны интернациональных джихадистов, «арабских афганцев»⁶, приверженцев вахабитско-салафитской трактовки ислама. Ахмад Гилани, лидер суфийского ордена Кадирийя в Афганистане и видный деятель антисоветского джихада, в этом контексте заявлял: «Исламская система в Афганистане реализуема только тогда, когда ею принимаются в расчет афганские верования и обычаи» [Fuchs, 2017, p. 200].

Основывая свою религиозную, социальную, а впоследствии и политическую практику на синтезе исламского и народного/доисламского компонентов, страта афганского духовенства цементировала традиционные структуры афганского общества, вследствие чего ему становятся свойственны настороженное и даже враждебное отношение ко всему чужому

⁴ Пуштунвали (дословно с языка пушту – «пуштуństwo») – племенной кодекс чести пуштунов, регламентирующий социальный и во многом политический порядок их жизни, утверждающий основы их мировоззрения, коренящиеся в кочевническом образе жизни.

⁵ «Народный ислам» – совокупность различных форм проявлений религиозности в исламе, зачастую не соотносящаяся с канонически утвержденными практиками. К числу таких проявлений можно отнести веру в силу магических амулетов, посещение могил, «святых мест», культ святых и др.

⁶ Имеются в виду приехавшие поддержать антисоветский джихад афганцев выходцы из арабских стран. Одним из таких «арабских афганцев» был Усама бен Ладен.

и новому. Российский исследователь Ю.П. Лалетин, комментируя двуединую природу комплекса социальных регуляторов в Афганистане, пишет: «Думается, что ислам, сосуществова с традициями, оформленными в адате, пока не достиг доминирующего положения над ними, но является системой понятий, через которую пуштуны могут выразить свою общность на более высоком идеологическом уровне, но к выражению которой прибегают лишь в особых обстоятельствах (как, например, иностранное вмешательство)» [Лалетин, 2007, с. 427].

ЗАЩИТНИКИ ВЕРЫ И СТРАНЫ: «КЛАДБИЩЕ ИМПЕРИЙ»

Территории современного Афганистана неоднократно подвергались внешней агрессии. К числу наиболее известных вторжений можно отнести походы Александра Македонского, арабское и монгольское завоевания, колониальную экспансию Британской Империи, ввод Ограниченного контингента советских войск (1979–1989) и военные операции США (2001–2021). Особо ярко в афганской народной памяти запечатлены последние три эпизода, закончившиеся номинальной победой афганцев над крупнейшими «мировыми империями», что занимает особое место в нарративах официальных талибских спикеров [*Elāmeyya-ye*, 2023]. Важная их черта – указание на руководящую роль «улемов-моджахедов» в достижении этих побед. Подразумеваются под этим выражением мусульманские ученые богословы (и уже упомянутые муллы), призывающие своих соплеменников взять в руки оружие для защиты веры и родины в условиях вторжения. Они выступают как агенты идентичности, а к ним причисляет себя значительная часть талибских функционеров.

Традиционно эта прослойка выступала консолидирующей силой в условиях вторжения извне. Историк-афганист В.А. Ромодин обращается к сюжетам второй англо-афганской войны 1878–1880 гг., когда именно муллы в провинции Хост сумели направить отряды, принадлежавшие разным, ранее противоборствующим племенам и даже этносам против британцев под знаменем священной войны – джихада⁷ [Ромодин, 1990, с. 79–80]. В XXI в. национально-освободительные мотивы в нарративах талибов всё также имеют исламское обрамление. Например, проведение военной операции «Омари», направленной против республиканских и иностранных сил, было символично начато 12 апреля 2016 г. в день памяти о битве при Ярмуке, когда арабское войско третьего халифа Омара (634–644), тезки основателя движения «Талибан», разгромило византийскую армию и получило контроль над территориями современного Леванта [Johnson, 2017, p. 57]. Такие отсылки говорят о том, что талибам не чужды инструменты символической политики в создании мобилизующих смыслов.

Религиозная идентичность в этом поле выступает также как маркёр этнонациональной самоидентификации. Отметим, что сильнейшее влияние на идеологические воззрения талибов оказала школа Деобанда⁸. Выступая за очищение ислама от нерелигиозных наслоений, мыслители школы путем воспитания молодежи в духе фундаментализма рассчитывали уничтожить колониальное господство британцев в Южной Азии. Талибами из деобандизма была позаимствована установка о необходимости борьбы со «всеобщим неверием», куда относились вероотступничество, атеизм, коммунизм, господство иных кон-

⁷ Несмотря на многозначность религиозного термина «джихад» в том числе и для самих талибов, в данном он подразумевает вооруженную борьбу за установление подлинно исламского порядка.

⁸ «Дар-уль-Улум-е Деобанд» – находящееся в пригороде Дели крупнейшее медресе в Южной Азии, открытое во второй половине XIX в. Богословская школа деобандизма возникла на волне исламского возрождения, т. н. таджиды, и по своей сути являлась фундаменталистской, то есть выступала за сохранение в неизменном виде традиционных основ религии.

фессий, в особенности язычества, уклонение мусульман от исполнения основных обрядов и т. д. Находясь в условиях затяжного военно-гражданского конфликта, талибы вывели в приоритет именно вооружённый вид этой борьбы и пришли к выводу о необходимости построения теократического государства со строгой шариатской системой управления и законодательства [Сикоев, 2004, с. 58, 101–104]. Попытка практического воплощения этих идей и выразилась в создании в 1996 г. и реставрации Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА) в 2021 г.

Важная характеристика данных постулатов – ограничение их воплощения территориями, которые вошли в состав страны к концу XIX в. [A senior, 2023], когда было сформировано афганское государство в современном виде. К ним, помимо пуштунских юга и востока, относятся зоны проживания таджиков⁹ (крупные города и горные области страны, например, Панджшер или Парван), территории бывших тюркских ханств на севере страны, шиитский Хазараджат. В XIX–XX вв. они были подвержены усиленной пуштунизации, имевшей целью объединение страны «с применением модели гегемонистского доминирования в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции» [Князев, 2024, с. 211–213]. В ходе них у пуштунов (и – как следствие – у пуштуноцентричного ДТ) образовалась мощная, закреплённая в коллективной памяти, эмоциональная привязка к этим территориям с реальной границей¹⁰. В этой связи можно поставить вопрос о формировании у пуштунов зачатков национальной идентичности, но с устойчивыми этническими коннотациями.

Таким образом, и исламская, и национальная, преимущественно пуштунская, составляющая использовались для формирования идентичности, как нематериального ресурса необходимого для внутренней консолидации в условиях вторжения. Важная роль религии в этом контексте – на основе мусульманского принципа равенства народов («мусават») сглаживать углы вражды на этноплеменной основе. Способность афганцев к объединению перед лицом агрессии «мировых империй» за последние 200 лет создала Афганистану образ «кладбища империй» [Barfield, 2010, p. 348], который был успешно апроприирован талибами.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПУШТУНОВ И НЕПУШТУНСКИХ МЕНЬШИНСТВ

Одним из условий дипломатического признания нового правительства Афганистана, представленного членами ДТ, является соблюдение им принципа «инклюзивности», то есть включения в политическую жизнь государства всех сил, в том числе представляющих не-пуштунские меньшинства. Соблюдение этого принципа видится отдельными исследователями путем не только к стабильности в стране, но и прологом к формированию афганской национальной идентичности [Kumar, Malhotra, 2024]. Вместе с тем «инклюзивность» в западной трактовке не только отвергается талибами, не желающими разделять власть, но и не находит отклика у большей части рядовых афганцев [Baheer, 2024].

Современное афганское государство сложилось благодаря завоевательной политике эмиров, выходцев из пуштунских знатных родов. Например, эмир Абдурахман, объеди-

⁹ Таджиками в Афганистане принято называть традиционно земледельческое население страны, родной язык которого – фарси-кабули (дари). По разным данным, они составляют 25–30% населения страны, что делает их второй по численности этнической группой в стране, и главными антагонистами пуштунского политического господства.

¹⁰ Некоторое исключение в этом плане составляют некоторые области Пакистана, исконно населённые пуштунами (провинция Хайбер-Пахтунхва) и запечатлённые в их коллективной памяти, как «свои».

нивший страну в её современных границах в конце XIX в., принадлежал клану мухаммадзаев, относящегося к более крупному племени баракзаев. Укрепляя свою власть, афганские правители в XIX–XX вв. массово переселяли пуштунские семьи с юга и востока страны в районы проживания таджикских, тюркских и хазарейских общин, что сопровождалось репрессиями в отношении местного населения и переделу земли в пользу пуштунских колонистов. Приводило это к формированию в традиционно не-пуштунских областях своеобразной этнической «чересполосицы», способствующей напряженности по сей день.

До назначения в 1963 г. Мохаммада Юсуфа, первого непуштуна на должности премьер-министра, можно говорить о безусловном преобладании пуштунского этноса на всех важнейших постах в госаппарате и армии [Yunus, 2019]. Складывание в социальной организации афганского общества «лестницы этнической иерархии», наверху которой стояли пуштуны [Лалетин, 2008, с. 293], позволяет небезосновательно говорить о таком, лежащем в основе устройства афганского государства явлении, как «пуштунский шовинизм».

Доктор Фарид Юнус, очевидно, выходец из афганских таджиков, приписывая этому явлению черты «германского нацизма», выделяет в нём несколько составляющих. Во-первых, это имевшая место в официальной политике Кабула в первой половине XX в. языковая экспансия, выразившаяся в насаждении пушту как единственного государственного языка. Во-вторых, это борьба с элементами культуры, не связанными с пуштунскими традициями, от древних буддийских памятников до классической персидской поэзии. Третьей составляющей он выделяет пуштунский ирредентизм, выразившийся в стремлении афганского государства всеми силами даже в ущерб своим интересам объединиться со своими соплеменниками, живущими на прилегающих территориях Пакистана [Yunus, 2019].

Следование интересам сугубо одной, хоть и наиболее крупной в стране этнической группы, исследователь видит губительным для процесса нацистроительства в Афганистане. Согласно воззрениям Ф. Юнуса, формирование нации должно произойти вследствие установления подлинного политического и культурного равенства между всеми народностями именно под началом гражданского закона, а не ислама [Yunus, 2019]. Попытка воплощения этих идеалистических взглядов имела место в начале 1980-х гг. во время нахождения НДПА у власти. Однако вместо обеспечения в политической системе Афганистана баланса между пуштунами и непуштунскими меньшинствами, центр тяжести в ней начал смещаться в сторону таджикских и иных элементов. Например, в результате их политики к 1982 г. в партийном, государственном и армейском руководстве не осталось ни одного «чистого пуштуна» [Актуальные, 1984, с. 617–618], что дополнительно способствовало массовому влианию представителей пуштунской общины в ряды исламской оппозиции.

На ранних этапах государственного строительства в ИРА непуштунские меньшинства предпринимали попытки добиться этнополитического равенства через инициативы по внедрению федеративной формы государственного устройства. Несмотря на то, что фактически эти идеи не были реализованы в республиканский период, этнические меньшинства, главным образом, в лице представителей таджиков, к 2005 г. смогли занять доминирующие позиции в некоторых ключевых структурах нового государства. По сведениям Ю.П. Лалетина, речь шла более чем о 50% мест в Нижней палате парламента («Вулуси джирга») и более 70% в Администрации президента Х. Карзая (2001–2014) [Лалетин, 2008, с. 313]! Такой отход от реальных демографических пропорций не согласовывался с коллективной памятью и, по мнению исследователя, способствовал дестабилизации обстановки в стране.

После реставрации ИЭА все движения, партии и отдельные политики, в том числе выражающие при республиканской власти интересы разных этнических и региональных

групп, оказались отстранены от власти. Инклюзивность ассоциируется у них с произволом полевых командиров, в том числе членов бывшего «Северного альянса», занимавших в республиканский период влиятельное положение¹¹. Сообщается, что они не гнушались в политической борьбе использовать насильственные методы, были замешаны в коррупции, наркоторговле и иных многочисленных нарушениях прав человека [Yusufzai, 2010]. Ввиду этого на территориях, контролируемых Кабулом либо же полевыми командирами, отсутствовал приемлемый для афганцев социальный порядок. Это резко контрастировало с более спокойной и безопасной обстановкой на занятых ДТ территориях, где была налажена работа, более справедливой в афганских условиях судебной системы [Hamid, 2021]. Ценность мира и порядка для афганского общества оказалась выше ценности «инклюзивности».

С точки зрения талибов, принцип «инклюзивности» в их правительстве всё же соблюден, так как в работе властей участвуют представители всех этносов и регионов страны [Sajjid, 2021]. Именно поэтому афганцы, по словам пресс-секретаря ДТ Забиуллы Муджахиды, «видят в правительстве талибов себя» [Dāesh, 2024]. Вместе с тем участие этнических меньшинств в работе правительства на высшем уровне носит очень ограниченный характер: их представители занимают всего лишь несколько постов. Однако сам факт этого в совокупности с заявленными успехами ДТ в сфере разрешения межплеменных и межэтнических споров «на местах» [Emārat-e, 2024] во многом обосновывает претензии «пуштуноцентричного» движения на исключительность в праве выражать интересы всего афганского народа. Не отрицая проблемы межэтнической напряженности в Афганистане и её огромный конфликтный потенциал, можно утверждать, что уже упомянутая «модель гегемонистского доминирования» пока остается более успешной с точки зрения как государственного строительства, так и формирования идентичности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ДТ как находящаяся у власти в Афганистане с 2021 г. группировка, с точки зрения своей социокультурной самоидентификации, близко к большей части населения Афганистана. Социокультурная идентичность афганцев формируется под воздействием «сросшихся», но зачастую конкурирующих между собой, составляющих – канонично религиозной (исламской) и традиционной, вбирающей в себя, в том числе доисламские культурные обычаи, а также не соответствующие исламу в салафитской трактовке религиозные практики народного ислама.

Агенты этой идентичности в лице духовенства имеют прямое отношение к формированию зачатков национального самосознания у афганцев. На складывание и развитие афганского государства до настоящего времени сильное влияние оказывал фактор внешней агрессии, которая выразилась в трех англо-афганских войнах XIX и XXI вв., военном присутствии советского (1979–1989) и американского (2001–2021) контингентов. Именно ислам как консолидирующий население Афганистана в условиях интервенции фактор оказался наиболее эффективен. В ходе противостояния вторжениям у афганцев, главным образом пуштунов ввиду их решающей роли в обеспечении независимости страны, была сформирована эмоциональная привязанность к определённым территориям, совпадающим с областями их расселения. Многие из них исконно не были населены пуштунами, но в ходе активной переселенческой политики кабульского правительства, а также благодаря особенностям исторически сложившейся, ещё «догосударственной», экспансии пуштунов как одного из наиболее мобильных и сплочённых кланово-племенных сообществ, стали вос-

¹¹ «Северный альянс» – военно-политическое объединение сил, подчиняющихся разным полевым командирам, сформированное в 1996 г. для борьбы с талибами.

приниматься частью «пуштунского пространства». Наличие этих признаков национальной самоидентификации с устойчивыми этническими коннотациями в условиях пуштунского политического доминирования актуализирует проблему уязвимости положения других этносов Афганистана.

Текущее же устойчивое положение ДТ во власти после западной интервенции можно объяснить тем, что в его арсенале мобилизующих смыслов нарратив о «кладбище империй» далеко не единственное средство. Важными с точки зрения укрепления позиций режима представляются очевидная близость к народу в аспекте социокультурной самоидентификации и традиционные механизмы разрешения социальных противоречий, весьма эффективно работающие даже в условиях политического доминирования одного этноса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

Актуальные проблемы афганской революции. Под ред. М.Р. Аруновой. М.: Наука, 1984 [*Current Issues of the Afghan Revolution.* M.R. Arunova (ed.) Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Князев А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации. *Международная аналитика.* 2024. № 15(1). С. 210–218. [Knyazev A.A. Afghan Identity: Prospects for Defragmentation. *Journal of International Analytics.* 2024. No. 15(1). Pp. 210–218 (in Russian)].

Лавров А.Ю. *Политический ислам в Афганистане.* М.: ИВ РАН, 2010 [Lavrov A.Y. *Political Islam in Afghanistan.* Moscow: IOS RAS, 2010 (in Russian)].

Лалетин Ю.П. О роли коллективной памяти и перспективах урегулирования афганского кризиса. *Afghanistan.ru.* 12.05.2009 [Laletin Y.P. The role of collective memory and prospects for the resolution of the Afghan crisis. *Afghanistan.ru.* 12.05.2009 (in Russian)]. <https://afghanistan.ru/doc/14703.html> (accessed: 02.10.2024).

Лалетин Ю.П. Государство и племя в политической системе Афганистана. *Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы.* Под ред. А. В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 412–454 [Laletin Y.P. State and tribe in the political system of Afghanistan. *East and Politics: Political Systems, Political Cultures, Political Processes.* A. Torkunov (ed.) Moscow: Aspekt Press, 2007. Pp. 280–315 (in Russian)].

Лалетин Ю.П. Межэтническое взаимодействие в Афганистане. *Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные.* Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 289–314 [Laletin Y.P. Inter-Ethnic Interactions in Afghanistan. *Conflicts in the East: Ethnic and Confessional.* A. Voskresensky (ed.) Moscow: Aspekt Press, 2008. Pp. 289–314 (in Russian)].

Мачитидзе Г.Г. “Аль-Каида” и “Талибан”: амбивалентное партнерство. *Мировая экономика и международные отношения.* 2022. Т. 66. № 4. С. 44–53 [Machitidze G.G. Al-Qaeda and the Taliban: Ambivalent Partnership. *World Economy and International Relations.* 2022. Vol. 66. No. 4. Pp. 44–53 (in Russian)].

Мчедлова М.М. Религиозная и конфессиональная идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание.* Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 334–339 [Mchedlova M.M. Religious identity. *Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopedia.* I. Semenenko (ed.) Moscow: Ves Mir, 2017. Pp. 334–339 (in Russian)].

Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика.* 2015. № 1. С. 66–96 [Naumkin V.V. Deeply Divided Societies in the Middle East: Conflict, Violence, and Foreign Intervention. *Lomonosov World Politics Journal.* 2015. No. 1. Pp. 66–96 (in Russian)].

Пластун В.Н. *Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника.* М.: ИВ РАН, 2016 [Plastun V.N. *Afghan War, 1979-1989: A Look from Within. Diaries and comments.* Moscow.: IOS RAS, 2016 (in Russian)].

Ромодин В.А. *Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. Официальная история и историография*. М.: Наука, 1990 [Romodin V.A. *Afghanistan in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Official History and Historiography*. Moscow: Nauka, 1990 (in Russian)].

Саженов Н.Д. Соотношение этнического и религиозного подходов в политике Движения талибов во время их первого (1996–2001 гг.) и повторного пребывания у власти. *Восток (Oriens)*. 2025. № 3. С. 112–124 [Sazhenov N.D. The Balance between Ethnic and Religion-Based Approaches in the Taliban's Policy during their First (1996–2001) and Current Reigns. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 3. Pp. 112–124 (in Russian)].

Семененко И.С. Политическая идентичность. *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017. С. 349–354 [Semenenko I.S. Political Identity. *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*. I. Semenenko (ed.) Moscow: Ves Mir, 2017. Pp. 349–354 (in Russian)].

Сикоев Р.Р. *Талибан: религиозно-политический портрет*. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004 [Sikoyev R.R. *Taliban: Religious and Political Portrait*. Moscow: IOS RAS, Kraft+, 2004 (in Russian)].

A senior religious scholar of the Taliban, Mufti Abdul Rauf Etminan in his Fatwa said... *Afghan Analyst*. 11.08.2023. <https://x.com/AfghanAnalyst2/status/1689749155210539008> (accessed: 7.10.2024).

Afghanistan. Education Equity Profile for Adolescent Girls. *UNICEF*. 2019. <https://www.unicef.org/rosa/media/5491/file/Afghanistan#:~:text=The%20majority%20of%20people%20in,per%20cent%20are%20nomadic%20Kuchis> (accessed: 02.10.2024).

Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso, 1983.

Baheer O. The 'inclusive' Afghan government Afghans do not want. *Al-Jazeera*. 17.02.2024. <https://www.aljazeera.com/opinions/2024/2/17/the-inclusive-afghan-government-afghans-do-not-want> (accessed: 07.10.2024).

Barfield T. *Afghanistan: A Cultural and Political History*. Princeton: Princeton University Press, 2010.

Fuchs S.W. Glossy Global Leadership. Unpacking the Multilingual Religious Thought of the Jihad. *Afghanistan's Islam from Conversion to the Taliban*. N. Green (ed.) Oakland: University of California Press, 2017. Pp. 189–206.

Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell, 1983.

Hamid S. Americans never understood Afghanistan like the Taliban did. *Brookings*. 23.08.2021. <https://www.brookings.edu/articles/americans-never-understood-afghanistan-like-the-taliban-did/> (accessed: 07.10.2024).

Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, 1996.

Johnson T.H. *Taliban Narratives. The Use and Power of Stories in the Afghanistan Conflict*. New York: Oxford University Press, 2017.

Kumar A., Malhotra A. Factoring Ethnicity in Taliban's Quest for Legitimacy: An Anthropological Rewiring of the Power Structure. *Georgetown Journal of International Affairs*. 17.04.2024. <https://gjia.georgetown.edu/2024/04/17/factoring-ethnicity-in-talibans-quest-for-legitimacy-an-anthropological-rewiring-of-the-power-structure/> (accessed: 07.10.2024).

Lee R.D. *Religion and Politics in the Middle East. Identity, Ideology, Institutions, and Attitudes*. New York: Routledge, 2014.

Sajjid I. Taliban have all-inclusive government in Afghanistan, claims acting foreign minister. *Anadolu Ajansi*. 12.11.2021. <https://www.aa.com.tr/en/asia-pacific/taliban-have-all-inclusive-government-in-afghanistan-claims-acting-foreign-minister/2419061> (accessed: 07.10.2024).

Schmeding A. The Problem of Multiplicity: Deconstructing "Sufism" and "the Taliban". *Islam, Politics, and the Future of Afghanistan*. 03.11.2021. <https://berkeleycenter.georgetown.edu/responses/the-problem-of-multiplicity-deconstructing-sufism-and-the-taliban> (accessed: 02.10.2024).

Tajfel H. *Differentiation Between Social Groups Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. London: Academic Press, 1978.

Yusufzai R. Afghans hate US backed war lords. *The Real News*. 22.02.2010. <https://therealnews.com/ryusufzai0118pt2> (accessed: 07.10.2024).

Dāesh bā hemāyat-e eshghālgerān tashkil shod; hamsāyagān awlaweyyat-e seyāsāt-e hāreji tālebān hastand. *IrAf*. 07.08.2024 [ISIS Was Formed With the Help of Occupants; Neighbors are the Foreign Policy's Priority of Taliban. *IrAf*. 07.08.2024 (in Persian)]. <https://irafnews.com/political/-داesh-با-حمایت-اشغالگران> /تشکیل-شد؛-همسایان-داعش-با-حمایت-اشغالگران (accessed: 15.10.2024).

Elāmeyya-ye emārat-e eslāmi-ye Afghānestān ba monasebat-e yaksad-o-čāramin sālrūz-e esterād-e esteqlāl-e keshwar āz est'emār-e englis. *Alemarah*, 19.08.2023 [The Statement of Islamic Emirate of Afghanistan in Relation to One Hundred Fourth Anniversary of Returning Independence from the English Colonialism. *Alemarah*, 19.08.2023 (in Persian)]. <https://www.alemarahdari.af/announcement/-اعلامیه-امارت-اسلامی-افغانستان-بیستمین-سالگرد-استقلال-کشور-از-استعمار-انگلیس> (accessed: 15.10.2024).

Emārat-e Eslāmi Az Hal-e Pesh Az Hasht Sad Parwanda-ye Ekhtelāfhā-ye Qawmi Khabar Dād. *TOLO News*. 26.04.2024 [The Islamic Emirate Reported Solution of More Than Eight Hundred Cases of Tribal Conflicts. *TOLO News*. 26.04.2024 (in Persian)]. <https://tolonews.com/fa/afghanistan-187546> (accessed: 15.10.2024)].

Yunus F. Nehzat-e Pashtunizm Wa Pashtunsāzi (Pashtunāizeshn) dar Afghānistān. *KhorasanZameen*. 19.03.2019 [Yunus F. Pashtunizm and Pashtunization in Afghanistan. *KhorasanZameen*. 19.03.2019 (in Persian)]. <https://www.khorasanzameen.net/php/read.php?id=4451> (accessed: 07.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГУЖЕВ Илья Андреевич – младший научный сотрудник Центра Ближневосточных исследований ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова, Москва, Россия.

Ilya GUZHEV, Junior Research Fellow, Center of Middle Eastern Studies, IMEMO RAS, Moscow, Russia.